

Оля Калмыцкая

**Хэппи
энд
бюджет**

Оля Калмыцкая

Хэппи энд будет

<https://litres.ru/74545439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если твой мир разрушен, а любимый мужчина женился на другой? Закатать душу под тяжелый «бетонный саркофаг» и выйти на охоту. Наташа ставит цель — выйти замуж назло всему миру и доказать, что её можно выбрать. Но платой за иллюзию триумфа становятся годы домашнего насилия, сломанные кости, побои на глазах у ребенка и полная потеря себя. Лишь оказавшись на самом дне, Наташа находит в себе силы сбежать. А спустя десять лет мертвой тишины прошлое возвращается звонком с секретного телефона. Ей снова придется пройти через ад тайных встреч, слезки и тяжелых выборов. Но на этот раз пепелище старых ошибок будет выжжено дотла, чтобы на руинах двухлетней катастрофы построить свой настоящий, выстраданный хэппи-энд.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Оля Калмыцкая

Хэппи энд будет

Глава

Хэппи энд будет

ГЛАВА 1. Бетонный колпак

Когда до меня долетели новости, что Женина свадьба прошла успешно, внутри меня словно повернулся ржавый болт. Во мне умерло все. Душу закатало тяжелой бетонной плитой. Знаете, как на Чернобыльской АЭС заливали разрушенный реактор свинцом, бетоном и песком, чтобы наружу не прорывалось смертоносное излучение? Вот точно такой же саркофаг накрыл и меня. Чтобы я больше не светилась. Чтобы не фонила своей радиацией, обидой и воем.

Из роковой брюнетки, которая не стеснялась своей фигуры, я в один день превратилась в серую мышь. Осознанно, со злостью покупала мешковатые, безразмерные тряпки блеклых цветов. Я прятала тело под слоями оверсайза, словно на коже проступило грязное клеймо. Лишь бы никто больше в этом провинциальном моногороде не посмел назвать меня шлюхой. Лишь бы закрыть рты общим знакомым.

Но внутри бетонного короба все равно кипела неперено-

симая, удушающая пустота. Включилась холодная, маниакальная идея-фикс: выйти замуж во что бы то ни стало. Доказать городу, доказать ему, что меня можно выбрать. Что на мне можно жениться. Я вышла на охоту. Тогда еще всю работала «Аська», гремели сайты знакомств. Я ходила на свидания механически, как рыбак на промысел. Высматривала кандидатов, примеряла их на роль спасителей моего разрушенного эго. Бывало, парень еще не успевал допить свой чай, а я уже молча вставала и уходила — понимала, что этот человек мою черную дыру внутри не закроет.

А потом появился он. На первом же свидании он заставил меня рассмеяться. Он был умен, эрудирован, странно шутил, но в этой его странности было что-то умиляющее. Он рассказал мне свою трагическую историю: как по пьяни выпал с седьмого этажа и чудом выжил, собрав по кускам разорванную печень, ушиб головного мозга и шрамы инвалидности. Он был далеко не красавцем, но я подумала: «Он умный. Он зацепит меня. Почему бы и нет?».

Я шла на каждую следующую встречу через силу, думая: «Господи, сейчас придет какой-нибудь страшный мужик». Но открывалась дверь, передо мной стоял нормальный, нежадный человек, и я покорно шла за ним. Смущало только одно — его дом был под абсолютным табу. Он жил в частном секторе, и я могла по два часа простаивать у забора на пронизывающем ветру, пока он уходил внутрь «на пять минут взять флешку». Оказалось, там правила бал его мать.

Он без конца общался с ней, отчитывался, как поел и куда ходил. Машины котлеты были центром его вселенной. Сам он выглядел как запущенный айтишник: не мыл вовремя голову, ходил с сальными волосами. Но он учился в институте, работал инженером на хорошей должности на заводе и получал стабильную зарплату. Меня это устраивало. Мой plan работал. То, что он только что расстался с девушкой, не мог ее забыть, материл всех женщин и заявлял, что «никогда не женится, а над бабами надо только издеваться», меня не остановило. Я умела терпеть.

Я окружила его удушающей заботой: мыла ему голову, стригла ногти, варила, жарила, заглядывала в рот. Я лепила из себя идеальную жену для человека, который этого не просил. И через какое-то время мы съехались.

Весь масштаб катастрофы я оценила ровно через два дня после переезда. Мы устроили вечеринку для его друзей. Среди хмельного шума он впервые исподтишка, аккуратно ударил меня. Просто так, сорвавшись в секундную неадекватность. А еще через пару недель он избил меня по-настоящему.

Тот день совпал с черным днем — в ту самую ночь умер мой дедушка. Я бежала из квартиры босиком, чувствуя пальцами грязный, холодный асфальт. Выскочила на улицу без копейки денег, поймала такси. Муж бежал за мной, догонял и наотмашь бил ногами. Я доехала до мамы, она расплатилась с водителем. Внутри была звенящая темнота — деда

больше нет, спина в синяках, на голове огромные шишки. Но когда муж приехал следом, покаялся и поддержал меня в этой моей максимальной, кровоточащей уязвимости, я... просто вернулась. Бетонные стены внутри меня сдержали и эту вспышку боли. Мы продолжили жить вместе.

После тех первых побоев во мне словно выжгли важный тумблер — у меня напрочь пропало либидо. Тело на физическом уровне заблокировало любую близость с ним. Секса в нашем браке практически не было — от силы раз в год. Из-за этого он дико бесился, ломал мебель, думал, что я ему изменяю. А мне просто было вообще ничего не надо. Внутри стоял глухой лед.

Но я упрямо перла к своей цели, как танк. Я пошли напролом против воли его родителей, но свадьбу из них выбила. Мне нужно было, чтобы моя свадьба отгремела так, чтобы осколки долетели до Жени. Я лично отправляла наши свадебные фотографии во все городские паблики и группы соцсетей. Я кричала миру: «Смотрите! Меня выбрали! Я замужем!». Мне было жизненно необходимо, чтобы мой бывший увидел эту нарядную картинку.

Расплата за триумф прилетала регулярно. На первую годовщину свадьбы муж избил меня так, что я на целый месяц легла в больницу с тяжелым сотрясением мозга. Позже, на свадьбе моего брата, он в очередном припадке ярости сломал мне руку. А впереди меня ждали еще несколько сотрясений и бесконечные больничные койки.

Но программа в моей голове не давала сбоев. Следующий пункт — карьера. Я устроилась в отдел кадров военного училища летчиков. Вот он, статус. Белая блузка, личные дела, уважение. Я больше не тупая девчонка, я умная, хорошая, я пробились. Но какая это была жизнь? Месяц в отделе кадров — месяц в больничной палате с очередными травмами. Из училища пришлось уволиться. После я устроилась на второй по величине завод в городе.

Через пару лет после тех событий я оказалась на городском конкурсе «А ну-ка парни, а ну-ка девушки». И там наткнулась взглядом на Женю. Он стоял на сцене — такой же красивый, харизматичный и невероятный. Веел программу, улыбался в микрофон. А я смотрела на него из темноты зала и понимала, что мой бетонный колпак дает трещину.

Чуть позже до меня дошли слухи, что его жена беременна и у них будут близнецы. Внутри снова закипел старый страх неполноценности. «Мне нужно родить. Любым способом. Прямо сейчас», — застучало в висках.

И я родила. После рождения ребенка муж стал бить меня реже. Наша жизнь потекла по какому-то стабильному, внешне благополучному руслу. Я открыла один бизнес, второй, раскрутила ногтевой сервис, сама пилила ногти, делала брови, ресницы, вкалывала сутками без выходных. Деньги рекой не текли, но мы наконец-то вылезли из нищеты и могли позволить себе вообще не экономить на вещах и еде. Муж возил меня за границу, обеспечивал насыщенные поездки. И сам

он потеплел, окружил бытом: встречал меня с работы, всегда готовил кучу еды, делал завтраки, обеды, ужины, крутил домашние закрутки на зиму. Он полностью занимался ребенком — мыл, купал, водил по секциям, не жалел на нас денег.

Муж стал мне братом, близким человеком, верным помощником. Но я ничем не могла закрыть черную пустоту внутри. Она росла, как опухоль. Мы ездили в дорогие путешествия, меняли страны, отели, но и там я не чувствовала себя счастливой. Изнутри это выглядело жутко: умом я понимала, что надо радоваться, пляж, солнце, пальмы, но в душе эта радость просто не попадала. Она соскальзывала по бетону. Я судорожно перебирала способы почувствовать хоть какие-то краски жизни, ощутить себя живой, но все оставалось серым.

Однажды мне приснился Женя. Будто мы с ним случайно столкнулись в дверях магазина. Самый обычный, бытовой сон. Но проснувшись утром в холодном поту, я остро, до паники поняла: какое счастье, что за все эти годы мы ни разу не пересеклись на улице. Хотя мы жили в соседних домах, ходили по одним тротуарам, но никогда — ни единого раза! — не видели друг друга. Я осознала страшную вещь: если бы эта случайная встреча произошла в реальности, я бы мгновенно бросилась в эту пучину с головой. И больше не смогла бы вернуться к своей обычной, механической жизни.

Все чаще я смотрела на мужа и понимала, что не люблю его. Абсолютно. И однажды я озвучила это вслух в пустой

комнате. Сказала эти слова в тишину. И мне стало смертельно страшно.

В тот период я тяжело увлеклась «Анной Карениной». Я пересмотрела все существующие экранизации, затирая до дыр сцены чужого семейного распада. Моя душа словно замерла в предчувствии. Внутри поселилась тянущая, ноющая, липкая тревога, которая всегда предвещает скорые перемены. Перемены, которые я не хотела принимать, о которых мне было запрещено даже думать.

На тот момент прошло уже почти девять лет с нашего расставания с Женей. За это время он сильно поднялся: стал депутатом, постоянно мелькал по местному телевизору, его лицо печатали в газетах. Из каждого утюга я видела его идеальную жизнь: его безупречную жену, его идеальных, чистых детей. И каждый раз, глядя на экран, я ловила себя на одной и той же уничтожающей мысли: со мной бы он такого никогда не добился. Что даже сейчас, с деньгами, бизнесами и заграничными поездками, я все равно остаюсь бракованной. Недостаточной. Недостойной его уровня. Все эти девять лет меня изнутри медленно жрала и горбила мысль о собственной деструктивности, неправильности и убожестве.

А потом случилась точка невозврата. Я вернулась домой после тяжелого рабочего дня. Муж был пьян. По одному его стеклянному, мутному взгляду стало ясно: сейчас нас ждет ад. И он избил меня. Жестоко, грязно, прямо на глазах у нашего ребенка.

Это стало последней каплей. Бетонный колпак разлетелся в пыль.

Я не стала ничего выяснять. Мне просто нужно было физически сбежать из этого города, где на меня давили стены. Я собрала вещи и уехала в Дивеево, к монастырю — просто чтобы спрятаться, забиться в чужой угол и переждать грозу.

Я сидела там, среди монастырской тишины, обессиленная до такой степени, что вообще не хотела ничего менять в своей судьбе. В голове крутились тяжелые, серые мысли: «Зачем все это? Какие новые отношения, какая новая жизнь? Что я буду делать без него, без этого привычного брата-мужа? Ну, вернусь я обратно в хрущевку. Ну, убьет он меня в следующий раз — значит, убьет. Сколько я могу ходить по подругам, жаловаться, рассказывать всем, какой он плохой, если я сама сижу на дне и не двигаюсь?». Мне было настолько наплевать на себя, что этот тупик казался финальной точкой.

И именно в этот период, на самом дне моего Дивеевского вакуума, произошло очень важное для меня событие...

ГЛАВА 2. Проводник

Из Дивеева я вернулась пустая. Знаете, это состояние, когда внутри выжгло даже страх, а на бунт или элементарные слезы просто физически нужны силы, которых у меня не осталось. Я не собиралась ничего менять. Я просто тихо и покорно заползла обратно в свой пресный, привычный быт.

Стоял удручивший август, медленно и тягуче перетекаю-

щий в начало сентября. Мы только-только переехали в однокомнатную квартиру, где ремонт три месяца тянула я сама. Муж постоянно мотался по командировкам, присылал деньги, а я в одиночку возилась со строителями, выбирала плитуса, дышала штукатуркой. Наверное, в этой изматывающей суете я пыталась сбежать от себя. В итоге в комнате густо пахло свежим клеем от флизелиновых обоев, натяжным виниловым потолком и новой мебелью из ДСП. Всё вокруг выглядело чистым, ровным и правильным, как на глянцевых страницах строительного каталога. Окна нашей однушки были открыты настежь круглые сутки, но душный позднелетний воздух провинциального моногорода не приносил облегчения. Он лишь затягивал в форточку плотный, горьковатый запах заводской копоти. Эта свежая отделка, этот нетронутый линолеум, выстраданные мной в одиночестве, казались мне декорацией для новой, вымученной благополучной жизни, которой я так отчаянно пыталась себя окружить.

Мой изломанный разум в этих свежих стенах запустил привычную программу самообмана. Сидя по вечерам на новенькой кухне, пока муж снова был где-то в разъездах, я начала планировать вторую беременность, методично, часами просматривала сайты с путевками, выбирая отели для следующего отпуска. Я вбила себе в голову, что в тяжелых отношениях с мужем виновата только я сама: мало прогибалась, была недостаточно хорошей хозяйкой, не умела вовре-

меня замолчать и сгладить углы. Я искала ему оправдания. Думала, что он срывается просто потому, что близости у нас в браке не было годами — мое тело после первых же синяков намертво, на каком-то животного уровне заблокировало любую тактильность. Я решила, что останусь в этой семье несмотря ни на что, буду идеальной женой.

Мне было тяжело и тоскливо. Накатывало глухое ощущение каких-то неизбежных перемен, которые я просто не в силах остановить. Они ложились на сердце тяжелым, неподъемным грузом. Было стойкое чувство, будто весь мир вокруг меня уже давно перевернулся, а я за ним просто не успела.

Прошло вернулось без стука, в самый обычный, душный рабочий день, когда в воздухе моего кабинета пахло антисептиком, спиртом и едкой, сухой ногтевой пылью.

Я сидела за столом, когда на процедуру педикюра пришла Лариса. Отказать ей было нельзя. В далеком 2006-м она руководила молодыми специалистами на заводе, организовывала лесные слеты, палаточные лагеря и конференции. Именно она тогда, девять лет назад, усердно и планомерно твердила Жене, что я порчу ему анкету, тащу на социальное дно и мешаю блестящей инженерной карьере. На одном из ее мероприятий он в итоге и встретил свою будущую жену — ту самую идеальную белокурую отличницу с красным дипломом.

И вот спустя девять лет эта женщина сидела в моем кресле.

Лариса устроилась поудобнее и, словно между прочим, начала подробно рассказывать, как сейчас живет Женя. Я ни о чем ее не спрашивала. Я держала глухую, ледяную оборону: натянула на лицо фальшивую, вежливую улыбку, всем своим видом показывая, что меня это абсолютно не касается. Я изо всех сил транслировала ей, что у меня обеспеченная жизнь, новенькая квартира, успешный бизнес и полный порядок. Но внутри меня в этот момент крупно, до физической тошноты трясло. Каждое ее слово опускало меня обратно в те тяжелые, черные воспоминания, от которых во рту становилось горько.

Лариса говорила, что Женя теперь большой, уважаемый в городе человек — депутат, постоянно мотается в дорогие заграничные командировки, посетил кучу стран, и они с ней остались хорошими друзьями. Рассказывала, как он с ума сходит по своим детям, как сильно, до дрожи их любит. Но сквозь этот благополучный, парадный фасад Лариса вдруг начала выдавать детали, от которых веяло холодом. Оказалось, в его семье давно всё не так просто. Лариса долгое время помогала Жениной жене, даже устроила ее к себе на работу, но между ними произошел жесткий конфликт — та ее банально и грязно подставила. Лариса качала колено, глядя на свои пальцы, и роняла фразы о том, что в жизни Жени с женой наметилась трещина. И эта трещина росла, углублялась уже долгие, изнурительные годы. Со стороны всё казалось правильным, глянцевым и сытым, но внутри их общего

дома селилась тяжелая, непереносимая глухота.

А затем Лариса буднично рассказала эпизод, от которого у меня внутри всё сжалось.

Она вспомнила, как какое-то время назад в Уфе Женя сидел в поезде. Проходя по узкому коридору вагона мимо чужих купе, сквозь стекла он вдруг увидел девушку, которая была как две капли воды похожа на меня. Его хваленая сдержанность, его депутатский лоск исчезли в одну секунду. Он бросил свои вещи, забыл обо всем на свете и в каком-то безумном, отчаянном порыве пошел искать ее по всему составу. Он шел через купе и плацкарты, переходил из вагона в вагон, заглядывая в лица чужих людей под мерный стук колес, пока не обошел весь поезд. Но это оказалась совсем другая, чужая женщина.

Я слушала это, сжимая в руках инструмент с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Во рту мгновенно пересохло, а сердце заколотилось где-то в горле.

Чтобы хоть как-то сбить это удушающее напряжение в комнате, я попыталась перевести тему на нейтральные путешествия. Вспомнила, как прошлым летом мы отдыхали с семьей в Турции. В моей электронной книге тогда были скачаны только сложные произведения классики, тяжелые детективы и мрачные триллеры. Но каким-то абсолютно чудным, мистическим образом среди этого депрессивного списка затесалась старая «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова. Я читала ее у бассейна, под палящим южным солнцем, пря-

чась от реальности, и эта книга меня буквально покорила. Я обронила Ларисе, что теперь моя главная, заветная мечта — попасть на этот маршрут, проехать легендарную американскую трассу Роут 66. Лариса выслушала, понимающе кивнула, расплатилась и ушла.

Прошел ровно месяц. Стояло начало сентября. Воздух на улице стал прозрачным и холодным. Лариса записалась снова. Едва устроившись в кресле и глядя на меня поверх маски, она тихо, заговорщически произнесла:

— Наташ, я тут на днях пересеклась с нашей старой компанией. Просто встретились проводить лето, посидели вместе. И там был Женя. Я сказала ему, что хожу к тебе в кабинет...

Внутри все остановилось. Звуки улицы за окном будто выключили, остался только плотный, звенящий вакуум. Они говорили обо мне. Спустя девять лет мертвой тишины.

Я снова судорожно включила своего робота. Холодно, почти грубо отрезала Ларисе, что чужая жизнь меня не волнует, у меня своя прекрасная семья, любящий муж и свои заботы. Но маховик судьбы уже было не остановить. Всё то, что я так долго и мучительно пыталась похоронить под слоями свежего ремонта, снова поднялось на поверхность. Именно в тот сентябрьский день начался самый сокрушительный, пугающий и поворот в моей жизни.

В начале сентября я окончательно увязла в своей роли. Я пыталась быть идеальной — порядочной женой, заботливой мамой, образцовой снохой. Мир вокруг катился в какую-то невидимую пропасть, а я методично выстраивала вокруг себя фасад абсолютного семейного благополучия. В тот день у меня был редкий выходной, и я распланировала его до минуты. Сначала, как примерная невестка, повезла свекровь в глазную поликлинику на другой конец города, высидела с ней очередь, а после должна была забрать ее и привозить обратно. В промежутке между медицинскими рейсами я успела заскочить на дачу. Там, среди сизого сентябрьского тумана и увядающей травы, я набрала ведро поздних осенних яблок — антоновки, пахнувшей холодным дождем и вином.

Вернувшись, я решила затеять нечто монументальное. Мне до зареза нужно было доказать себе и всему свету, что я образцовая, правильная хозяйшкa. Я решила приготовить настоящую Белёвскую пастилу. Те, кто хоть раз пробовал её делать, знают, какой это изнурительный, трудоемкий процесс: часами запекать яблоки, протирать их через сито в нежное пюре, до мозолей взбивать белковую массу, а потом сутками томить в духовке на минимальном огне. Кухня в нашей новенькой однушке мгновенно превратилась в поле боя. Повсюду стояли миски, кастрюли, липкие ложки, по стенам стекал густой, сладковато-кислый яблочный пар.

Естественно, в этот момент я выглядела максимально неприглядно. Никакой прически, никакого макияжа, на но-

гах — обычные домашние шорты, из-под которых была видна давно отросшая без депиляции щетина. Я была просто уставшей, замотанной бытом домашней девочкой, по уши испачканной в яблочном пюре.

И вот среди этого липкого кухонного безумия зазвонил телефон.

На экране светился незнакомый номер. Я никогда не сбрасывала такие звонки и всегда снимала трубку без тени сомнения. Из-за специфики моей жизни мой мобильный давно превратился в подобие общественной горячей линии. Во-первых, ногтевой сервис — клиенты записывались круглосуточно, номера постоянно передавались по сарафанному радио. Во-вторых, до этого я серьезно занималась бизнесом, продавала редкие орхидеи, и люди со всей области до сих пор называли мне, чтобы спросить совета по уходу или грунту. В-третьих, в детском саду у ребенка я, конечно же, состояла в родительском комитете, так что мамочки искали меня по любым бытовым вопросам. Телефон разрывался всегда.

Я вытерла липкие от яблочного сока руки о фартук, нажала на экран и привычно выдохнула:

— Алло?

— Наташ, привет, — раздался в трубке плотный, низкий мужской голос.

Время внутри меня мгновенно свернулось в тугую петлю. Мозг, защищаясь от шока, включил глухое, тупое отрицание. Этот голос я бы узнала из миллиона, даже если бы меня раз-

будили посреди ночи, даже спустя век.

— Привет... Узнала? — спросил он.

— Нет, — соврала я, чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

— Это Женя.

От звука его имени, произнесенного им самим вслух, меня обдало ледяной волной. Стало так жутко, словно покойник постучал в окно.

— Что-то хотел? — резко, почти неосознанно спросила я, пытаюсь вернуть себе хотя бы видимость контроля.

— Хотел с тобой увидеться, — просто сказал он, как будто не было этих девяти лет выжженной земли между нами.

Я абсолютно не понимала, по какой теме он может мне звонить. Голова была пустой, как барабан. В голову лезла какая-то чушь: может, ему или его жене нужны ногти? Или орхидеи? Я даже не догадалась спросить, зачем. Внутри меня всё кричало от паники, но губы деревянно произнесли:

— Давай. Почему нет.

— Я подъеду через двадцать минут. Где ты живешь?

— Там, где бабуля моя жила, — ответила я.

Бабушка умерла, и мы с мужем обосновались в этой её старой квартире, переделав её до неузнаваемости тем самым трехмесячным ремонтом.

— Да, окей, я понял. Сейчас подъеду, через двадцать минут выходи.

В трубке раздались короткие гудки. Я медленно опустила

руку с телефоном. Двадцать минут. Всего двадцать минут отделяли меня от человека, из-за которого я сейчас пыталась заживо похоронить себя в несчастливом браке.

Что началось потом, я помню как сквозь тяжелый, лихорадочный бред. Меня затрясло мелкой, противной дрожью, и одновременно сковал дикий, глухой мороз. Навалилось ощущение абсолютной нереальности происходящего — словно я смотрю кино про саму себя из темного зрительного зала.

Я заметалась по однушке, как пойманный в ловушку зверь. Пастила, яблоки, свекровь в больнице — всё это в секунду превратилось в серый, незначительный шум. В панике пыталась сообразить, во что одеться, как спрятать ноги, как усмирить кошмар на голове. Не слушающимися пальцами я судорожно строчила подружке: «Ты не представляешь... Женя звонил. Он едет сюда. Зачем? Я не понимаю, зачем?!»

Времени не оставалось. Я натянула любимое трикотажное платье в сине-белую полоску, выполненное фактурной вязкой-рубчиком — оно хотя бы облегало фигуру. Сверху наспех набросила джинсовку, обула синие лаконичные кеды Lacoste. Кой-как прошла расческой по волосам, даже толком не глянув в зеркало. Отремонтированная квартира с её запахом свежих обоев теперь казалась чужой, тесной клеткой, из которой нужно было бежать.

Я спускалась по лестнице, и каждый шаг давался с трудом, словно к ногам привязали гири. У меня не было иллюзий. Я была твердо уверена, что этот разговор будет сугубо дело-

вым, холодным и коротким. О чем еще говорить с человеком спустя столько лет? Люди меняются, обрастают статусами, депутатскими мандатами. Между нами лежал океан взаимных обид.

Я толкнула тяжелую дверь подъезда. Осеннее сентябрьское солнце на секунду ослепило меня. А у обочины я сразу увидела его машину. Во рту мгновенно пересохло, дышать стало совершенно нечем. Сделав глубокий вдох, я подошла к пассажирской двери, потянула ручку на себя и села в салон — навстречу своему прошлому.

ГЛАВА 4. Вклад в мечту

Я открыла дверь и села на переднее сиденье. Руки крупно, неуправляемо трясло. Меньше всего я ожидала увидеть то, что открылось передо мной. Он приехал на обычной белой «Калине» — скромный, почти неприметный автомобиль. Но контраст между машиной и ее хозяином оглушал.

В салоне сидел безупречно ухоженный, красивый мужчина. Тот самый, которого я не видела почти десять лет. Время словно споткнулось: те же глубокие темные глаза, те же черные волосы, но теперь в нем чувствовался плотный, взрослый вес. Он был одет в строгую рубашку, поверх которой надел синий пуловер. Мягкий трикотаж сидел идеально, подчеркивая все, что только можно было подчеркнуть в его возмужавшей, атлетичной фигуре — разворот плеч, осанку, уверенную посадку головы. На запястье тускло поблескива-

ли дорогие швейцарские часы.

Но мое внимание сразу привлекла одна нелепая деталь. На приборной панели лежал старый, потрепанный кнопочный телефон. Это выглядело дико. На дворе стоял сентябрь, у меня в сумке лежал современный iPhone 5, а у него — успешного человека, депутата — до сих пор была в ходу какая-то доисторическая трубка.

В воздухе повисло тяжелое напряжение. Он сидел с каменным лицом, практически не улыбался. Было видно, что мужчина очень сильно нервничает, хотя внешне оставался максимально собранным и жестким. Собственно, как и я.

— Привет.

— Привет.

— Как у тебя дела? — спросил он, глядя прямо перед собой на лобовое стекло.

— Всё в порядке, — мой голос прозвучал сухо.

— Как дома?

— Тоже всё в порядке. Живем.

Короткие, рубленые фразы падали между нами. Я продолжала сидеть в полном недоумении, ожидая, когда он наконец перейдет к делу. Я ведь шла на серьезный, сугубо деловой разговор. Думала, у него есть какая-то конкретная цель, осязаемый вопрос, который нужно обсудить спустя годы тишины. Но вместо этого я натолкнулась на совершенно невнятную, абсурдную историю.

Женя молча потянулся назад. Он достал оттуда свою сум-

ку, расстегнул молнию, запустил внутрь руку и вытащил плотную, увесистую банковскую пачку. В глаза сразу бросился ядовито-оранжевый цвет пятидесятых купюр. Сумма явно была внушительной.

Он повернулся ко мне, протянул эти деньги и совершенно спокойно произнес:

— Я хочу сделать тебе подарок. Я знаю, что ты очень хочешь поехать в Америку. Это мой тебе вклад в твою мечту. Я очень хочу исполнить твою мечту.

В ту же секунду моему негодованию просто не было предела. В голове вспыхнуло глухое, яростное возмущение. Что это за пранк? Что это за издевательство? Девять лет молчания, вычеркнутая из жизни молодость — и он просто протягивает мне стопку банкнот, потому что Лариса пересказала ему мой пустой треп про трассу Роут 66? Как на это вообще реагировать нормальному человеку?

Меня захлестнула волна унижения и злости. Ему казалось, что можно вот так просто приехать, откупиться от прошлого и почувствовать себя благодетелем?

— Мне от тебя ничего не надо, — резко, отчеканивая каждое слово, выплюнула я ему в лицо. — У меня есть деньги. Я достаточно зарабатываю сама. И муж у меня зарабатывает вполне достаточно. У нас вообще нет никаких проблем с этим.

Я смотрела на эти оранжевые бумажки с брезгливостью. Презент выглядел неуместным, диким и глубоко оскорби-

тельным. С чего он вообще взял, что имеет право лезть в мою жизнь? Что за дурацкий жест?

Мужчина посмотрел на меня своим тяжелым, нечитаемым взглядом, ничуть не удивившись моей вспышке. Он лишь едва заметно повел плечом.

— Ну, как хочешь, — тихо сказал он.

Он без лишних слов убрал пачку обратно в сумку, застегнул ее и бросил назад. Наступила глухая пауза.

— Ну всё тогда, я поехал, — так же сухо обронил он.

Я толкнула пассажирскую дверь и буквально выскочила наружу на прохладный воздух. Дверь захлопнулась с глухим стуком, белая машина тронулась с места и медленно скрылась за поворотом двора.

Я осталась одна на остывающем асфальте. Изнутри меня выжигало едкое, злое недоумение, смешанное с полной потерей ориентиров. Этот нелепый визит разорвал привычную реальность, оставив после себя лишь смутное предчувствие катастрофы, которую я уже не смогу предотвратить. Захлопнув за собой дверь подъезда, я поднялась наверх. На кухне всё так же пахло сладковато-кислым яблочным паром, на столах стояли липкие миски — декорации моей «идеальной» жизни. Но я смотрела на них и понимала: эта короткая встреча безвозвратно сорвала предохранители и запустила внутри меня совершенно другой, пугающий отсчет.

ГЛАВА 5. Разгерметизация

Я вернулась в квартиру, но само пространство вокруг уже стало чужим. Привычный воздух моногорода словно изменил свою концентрацию, став плотным, вязким, мешающим дышать. Весь тот стерильный порядок, который я выстраивала три месяца, в одночасье превратился в бутафорию. Я стояла посреди кухни, окруженная липкими мисками и кастрюлями, и абсолютно не понимала, как закончить эту проклятую пастилу. Руки не слушались. То точное, выверенное кухонное волшебство, которым я так гордилась еще час назад, теперь казалось бессмысленным. Кой-как, хаотичными движениями я смахнула остатки яблочного пюре в формы, выставила на духовке таймер на пять часов и просто сбежала. Остаться в четырех стенах наедине с этой звенящей тишиной было невыносимо.

Мобильный уже был в руке. Набирая номер подруги, я почти бегом направилась к ней. Она сидела в декрете, привязанная к бесконечному круговороту подгузников и детского плача, и ее тихая, предсказуемая кухня стала для меня временным убежищем. Я сидела у нее на табуретке, захлебываясь словами, а внутри меня всё продолжало крупно, болезненно колотить. Реальность двоилась. Я рассказывала ей про белую машину, про оранжевые пятитысячные купюры, про его синий пуловер, а сама мысленно висела в пустоте, чувствуя, как сквозь разбитый бетон наружу хлещет всё, что я хоронила годами. Навалился дикий страх: я не понимала, как теперь возвращаться к ребенку, как смотреть в глаза му-

жу, как вообще делать вид, что я прежняя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.